

ДЕРИВАЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

The Derivational and Semantic Space “Bell Ringing”
in the Russian Language: Linguistic and Cultural Aspect

Венера Габдулхаковна Фатхутдинова
favenera@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

Venera G. Fatkhutdinova
favenera@mail.ru
Kazan Federal University (Kazan, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 01.04.2024

Fecha de evaluación: 26.11.2024

Cuadernos de Rusística Española n° 20 (2024), 35 - 47

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается этнокультурное содержание производных слов, образованных на базе глаголов *звонить* / *звенеть*, совокупность которых составляет деривационно-семантическое пространство «колокольный звон». Данная лексика репрезентирует особый, социокультурный слой языка, непосредственно связанный с религиозными воззрениями русского этноса и его историей. Цель работы – выявить и описать факты модификации и трансформации национально-культурного компонента в лексическом значении производных номинативных единиц. В исследовании были использованы дескриптивный и лингвокультурологический методы, приёмы перспективного и ретроспективного словообразовательного анализа, а также методика ономастического и этнолингвистического описания производной лексики. Новаторство работы определяется динамическим подходом к анализу лингвистических объектов, который направлен на преодоление разрыва между синхроническим и диахроническим словообразованием. Он позволяет глубже проникнуть в процессы эволюции словообразовательной и лексической семантики, в результате чего систематизация языковых единиц получает качественно новый уровень обобщения. Лингвокультурологический аспект исследования позволил выявить идиоэтнический характер того или иного понятия, способы его актуализации путем словообразовательного маркирования и дальнейшего смыслового развития. Установлено, что отдельные концептуальные структуры исследуемой семантической сферы (наименования отвлеченных понятий, артефактов, агентивы и феминитивы) в процессе развития языка семантически видоизменяются, отражая процесс наполнения формы одного и того же языкового знака более сложным содержанием. Тем самым подчеркивается их роль и значение в культурно-ценностной ориентации носителей русского языка. Результаты анализа свидетельствуют о взаимодействии языковой и внеязыковой информации в слове, дают представление о способах выражения универсальных и этнокультурных смыслов, о специфике организации производных слов внутри одного семантического пространства.

Ключевые слова: семантика, словообразование, дериват, русский язык, лингвокультурология, этнолингвистика

ABSTRACT

The article examines the ethnocultural content of derived words formed on the basis of the verbs *to ring* / *ring*, the totality of which makes up the derivational and semantic space “bell ringing”. This vocabulary

represents a special, socio-cultural layer of the language, directly related to the religious beliefs of the Russian ethnic group and its history. The purpose of the work is to identify and describe the facts of modification and transformation of the national cultural component in the lexical meaning of derived nominative units. The study used descriptive and linguocultural methods, techniques of prospective and retrospective word-formation analysis, as well as methods of onomasiological and ethnolinguistic description of derivative vocabulary. The innovation of the work is determined by a dynamic approach to the analysis of linguistic objects, which is aimed at bridging the gap between synchronic and diachronic word formation. It allows you to penetrate deeper into the processes of the evolution of word-formation and lexical semantics, as a result of which the systematization of linguistic units receives a qualitatively new level of generalization. The linguistic and cultural aspect of the study made it possible to identify the idioethnic nature of a concept, ways to actualize it through word-formation labeling and further semantic development. It is established that certain conceptual structures of the semantic sphere under study (names of abstract concepts, artifacts, agents and feminities) are semantically modified in the process of language development, reflecting the process of filling the form of the same linguistic sign with more complex content. This emphasizes their role and importance in the cultural and value orientation of native speakers of the Russian language. The results of the analysis indicate the interaction of linguistic and extra-linguistic information in a word, give an idea of the ways of expressing universal and ethno-cultural meanings, about the specifics of the organization of derived words within one semantic space.

Keywords: semantics, word formation, derivative word, Russian language, linguoculturology, ethnolinguistics

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке всё большее внимание уделяется культурологическим аспектам изучения языковых фактов: выявлению национальной специфики лексического значения слова и его внутренней формы, аксиологической составляющей в смысловой организации различных единиц языка, способам хранения и экспликации разного рода символов, установок и стереотипов в структуре этноязыкового сознания (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, А. Вежицкая, Д. Б. Гудков, В. В. Колесов, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, В. Н. Телия, С. Г. Тер-Минасова, А. Т. Хроленко, А. Д. Шмелев и др.).

Одной из основных теоретических посылок нашего исследования является мысль о «бесспорной и очевидной связи между языком и культурой», а также о существовании разных способов, границ и перспектив лингвокультурологического исследования (Бартминьски 2021: 1389-1392).

Важнейшим источником получения лингвокультурологического знания является смысловое содержание терминов духовной культуры, их деривационная и стилистическая трансформация в процессе развития русского языка, а также результаты лексикализации культурно-этнических доминант. «Слово имеет номинативный характер, но одновременно оно бывает носителем национально-культурной информации, которая проявляет себя, в частности, в его сочетаемости с другими словами, а также в словопроизводстве» (Верещагин, Костомаров 2005: 26). В этой связи **предметом** нашего исследования стало этнокультурное содержание производных слов, образованных на базе глаголов *звонить* / *звенеть*, совокупность которых составляет деривационно-семантическое пространство «колокольный звон». Данная лексика репрезентирует особый, социокультурный слой языка, непосредственно связанный с религиозными воззрениями представителей русского этноса и его историей.

Исследуемая лексика не рассматривается нами как узкоспециальная или относящаяся к сугубо религиозно-культурной терминологии, ср. предмет теолингвистики, изучающей язык сквозь призму конфессиональной культуры, а также специфику «богослужбных канонических текстов и коммуникации в религиозной сфере» (Бугаева, 2021: 164); о религиозной компоненте русской культуры см. также (Sulimov, Tregubova, 2019: 290).

Цель работы – выявить и описать факты модификации и трансформации национально-культурного компонента в семантике производных номинативных единиц, мотивирующим признаком которых является понятие «звонить в колокола».

Лексические единицы, образующие семантическое пространство «колокольный звон», безусловно, формируют культурный код носителей русского языка (см., например, прецедентные имена «Царь-колокол», «Вечерний звон» и др.). «В западной культуре роль колокола в жизни человека осмысливается отстраненно: колокол как значимый для жизни человека и общества феномен рассматривается как общечеловеческое достояние, не вовлекаясь в личную сферу говорящего. В российском дискурсе – не сразу – складывается другая традиция очень личностного размышления о жизни, наполненного страстями и эмоциями, вызванными колокольным звоном: *Твердит о счастье необъятном // Далекий звон колоколов* (К. Бальмонт)» (Лассан 2014: 63). О концептуальной значимости понятий «колокол» и «колокольный звон» для христианской культуры в целом свидетельствует его вовлеченность в метафорическую поэтическую речь, ср. в испанском языке: «*De la alta campana / La lengua de hierro, / Le dio volteando / Su adiós lastimero. / El luto en las ropas, / Amigos y deudos / Cruzaron en fila, / Formando el cortejo*» (Gustavo Adolfo Bécquer). — *Железный язык колокольную речью / Напутствовал горестно / Дщерь человечью. / Все в трауре черном, / в молчанье печальном, – / родные с друзьями // в corteje прощальном* (Перевод П. Грушко) (Гончаренко 1978: 477).

При этом представленность такого рода лексических единиц в современных лексикографических источниках на протяжении долгого времени была минимальной. Так, в предисловии к четвертому, существенно переработанному изданию «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова констатируется, что в новую редакцию словаря была включена и заново истолкована лексика, номинирующая замкнутые понятийные сферы. «Это коснулось прежде всего слов и сочетаний, именующих понятия религии и церкви. Ни в одном из русских общеязыковых толковых словарей, вышедших в советское время, эта лексика не получила сколько-нибудь полного и точного описания» (Ожегов, Шведова 1997: 4).

Новаторство нашего исследования определяется динамическим подходом к анализу лингвистических объектов, который направлен на преодоление разрыва между синхроническим и диахроническим словообразованием. Он позволяет глубже проникнуть в процессы эволюции словообразовательной и лексической семантики, в результате чего систематизация культурологически маркированных единиц получает качественно новый уровень обобщения.

Прикладной характер работы обусловлен возможностью использовать её результаты в образовательном процессе: при формировании коммуникативной и культурно-языковой компетенции студентов, изучающих русский язык как иностранный. Такого рода лексика представляет собой зону пересечения семантики, стилистики

и истории языка, поэтому в иноязычной аудитории нуждается в дополнительном лингвокультурологическом комментарии.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

В исследовании были использованы дескриптивный и лингвокультурологический методы, приёмы перспективного и ретроспективного словообразовательного анализа, а также методика ономазиологического описания производной лексики. В работе широко представлена этнолингвистическая интерпретация языковых фактов, являющаяся, на наш взгляд, отправной точкой лингвокультурологического анализа. «Этнолингвистике свойственно задавать широкое полотно историко-этимологической и культурно-языковой информации, ... лингвокультурология обращается к этим знаниям как к научному источнику, объясняющему возникновение тех или иных выражений, образов, ... их символическое значение, их коннотации, особенности употребления и др.» (Бартминьски 2021: 1401). Материалом для анализа послужили данные толковых, словообразовательных, этимологических и энциклопедических словарей, дающих представление о культурно-исторических аспектах слова, а также Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Деривационно-семантическое пространство «колокольный звон» в первую очередь образуют производные лексические единицы, смысловая структура которых непосредственно или опосредованно указывает на семантический компонент «звонить в колокола». По мнению учёных, словообразовательно маркированная лексика «позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учётом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами», поскольку словообразовательной детерминации «подвергается лишь то, что оказывается значимым для носителей языка» (Вендина 2002: 44-45).

В русском языке глагол *звонить* образован на базе существительного *звон*, которое, в свою очередь, является транспозиционным дериватом от глагола *звенеть* (древнерусское *звѣнѣти*) и обозначает отвлечённый процессуальный признак. Такое соотношение производных обусловлено чередованием в корне (внутренней флексией) и послужило основанием объединить все однокоренные слова в единое словообразовательное гнездо с исходным словом *звенеть*, включающее в себя 82 слова с корневой морфемой *-звон-* и 10 слов с корнем *-звен-*. (Тихонов 1985: 364-365). «Одной из очень продуктивных форм усвоения того или иного языка является моделирование словообразовательного гнезда, так как это не только установление существующих словообразовательных связей, ... но и обнаружение таких единиц, которые не зафиксированы в традиционной лексикографии» (Nikitsevich 2017: 37).

Несмотря на общность архетипического представления человека о способах извлечения звука, эти два этимологически связанных предиката – *звенеть* и *звонить* – имеют разную семантическую структуру и сочетаемость.

Глагол звучания *звенеть* характеризуется однозначностью (с небольшими оттенками смысла): ‘издавать звук высокого тембра при ударе, сотрясении (о металлических, стеклянных и т. п. предметах): *колокольчик звенит, струны гитары звенят* (Евгеньева 1999: 601). Акциональный глагол *звонить* имеет более сложную семантическую структуру, одно из значений которого соотносится с исследуемым деривационно-семантическим пространством: ‘Ударяя в колокол (колокола), благовестить или трезвонить. *Звонарь звонит на колокольне. Звонить к вечерне, к заутрене. Звонить во все колокола* (также перен.: оповещать всех, предавать гласности)’ (Ожегов, Шведова 2007: 226).

По данным словаря В. Даля, от глагола *звонить* образуется ряд модифицирующих префиксальных производных с общим значением ‘звонить в колокол’: в частности, с семантикой интенсивности, чрезмерности или тщательности совершения действия: «звони, звони, да не *перезванивай*»; «звони, да не *завванивайся*»; «что ты *раззвонился* больно?»; «*отзванивай*, знай! – звони»; «он на все голоса *вызванивает*»; с семантикой финитивности: «*дозванивай*, да слезай с колокольна»; «*отзвонил*, да и с колокольни»; а также с другими лексико-словообразовательными значениями: «*дозвонился* до пономаря» – ‘достичь должности пономаря’; «один звонит, другой *подзванивает*» – ‘звонить негромко, вторя главному звонарю; сопровождать звон главного колокола’; «по покойнику *перезванивают*» – ‘звонить повторно’. В некоторых случаях автор сам приводит толкование слова: «колокол *иззвонился* – разбился»; «*созванивай* всех налицо – собирай», «пономарь *взванивается* – приучается звонить в колокол» (Даль 1995: 672).

Кроме перечисленных глагольных дериватов исследуемое словообразовательное гнездо включает в свой состав и другие лексико-грамматические классы слов с этнокультурным компонентом значения, например, существительные (отвлеченные названия действий, наименования артефактов, помещений и построек, агентивы, феминитивы) и относительные прилагательные. Рассмотрим их более подробно.

Семантическую вариативность и этнокультурную коннотацию демонстрирует отглагольное существительное *звон*. Звон колоколов как *отвлеченное понятие* в зависимости от типа богослужения получил разные производные наименования: 1) *блавест* (от *благая весть*) – последовательные, мерные удары в какой либо один большой колокол, служащий обыкновенно начальным призывом к богослужению; 2) *перезвон* (от *перезванивать*) – последовательные удары во все колокола (от самого большого до маленького), подчёркивает значимость совершающейся службы, которая бывает в важные храмовые праздники; 3) собственно *звон* колокольный, когда одновременно ударяют в два или более колокола, см. также *двузвон* (от *два звона*), когда бьют во все колокола дважды в два приёма (обычно совершается на всенощном бдении); 4) *трезвон* (от *три звона*) – производится в несколько колоколов или во все колокола («во все тяжкие») в три приёма: при начале богослужения, после блавеста и т. п. (Аверинцев 1993: 557), ср. также «*звонение* – действие по глаголу *звонити*» (Бархударов 1978: 356).

О национально-культурном своеобразии слова *звон* свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки, в основе которых лежит и его метафорическое переосмысление: «К обедне ходят по звону, а к обеду по зову», «колокольный звон не молитва, а крик не беседа», «Пашни меньше, простору больше; избы не крыты, да звон хорош!», «Звоном началось, звоном и кончится» (Даль 1995: 672).

Наименования артефактов, как известно, дают представления о разных сторонах материальной и духовной деятельности конкретного этноса.

В старославянском языке слово *звонъ*, кроме значений ‘звук, грохот’, означало и ‘колокол’, а для глагола *звонить* первоочередным было значение ‘звонить в колокола’. В «Этимологическом словаре русского языка» приводятся лексические параллели слову *звон* из других славянских языков: «болг. *звънец*, сербохорв. *звѣно* «колокол», словен. *zvŕn*, чеш., слвц. *zvon* «колокол», польск. *dzvon* «колокол», в.-луж., н.-луж. *zvon*» (Фасмер 1986: 88). В настоящее время лексема *звон* актуализирует данную семантику лишь в специальных текстах: «Совершенно особо от всех русских колоколов стоят знаменитые ростовские *звонь*: сысоевский, акимовский, егорьевский и два будничных; они упоминаются во многих исторических и археологических памятниках» (Аверинцев 1993: 787). В истории русского литературного языка *звон*ом называли и «несколько колоколов разного размера, подобранных специально для гармонического звучания» (Бархударов 1978: 356).

Среди наименований артефактов в деривационно-семантическом пространстве «колокольный звон» следует прежде всего выделить субстантив *звонница* – ‘особый тип колокольной при старинных церквях. *Деревянная звонница. Звонница Софийского собора в Новгороде*’ (Евгеньева 1999: 602); ср. также *звонник* – ‘колокольная’ (Бархударов 1978: 357). Семантическая структура данного деривата включает в себя компонент ‘старинный, древний’, хотя в специальной литературе слова *колокольная* и *звонница* используются как равнозначные лексически единицы. Для этнокультурной интерпретации данных понятий совершим небольшой экскурс в историю церковных колоколен и колокольного звона.

Древнерусское слово *колокол* в значении ‘толстостенный полый усечённый конус (или колпак) из медного сплава с подвешенным внутри металлическим стержнем (языком) для звона’ (Черных 2007: 413) известно с XI века. «Древнейшие каменные *колокольни* сохранились в Новгороде и Пскове и известны под названием церковных *звонниц*. Различают два их вида: *звонниц*, надстроенных над самой церковью, и *звонниц*, стоящих отдельно от неё» (Аверинцев 1993: 789). При этом словом *звонница* чаще обозначаются горизонтальные сооружения, которые могут быть как стационарными, так и передвижными, в то время как *колокольня* – это прежде всего вертикальное сооружение, организующее всё пространство большого храма.

В следующем контексте совокупность лексических единиц *звон*, *звонница* и *колокольня* образуют единое лингвокультурное пространство и предельно чётко описывают часть культового архитектурного сооружения: *Первая звонница Софийского собора была деревянной. В 1654 году построили восьмигранную шатровую колокольню. В 1869 году по распоряжению епископа Палладия, считавшего, что соборная колокольня должна быть самой высокой в епархии, губернский архитектор В. Н. Шильдкнехт разобрал шатер и площадку звона и надстроил колокольню в псевдоготическом стиле* (Касьяненко, 2007: 23).

Разговорно-просторечное слово *звонарня* – ‘колокольня или специальное помещение при церкви’ – является производным от глагола *звонить* (*звонарить*) и кроме разговорной функционально-стилевой окраски имеет дополнительный компонент значения ‘небольшое помещение’: *Еще не время было начинать благовест ко всенощной, и протопоп Гелий отдыхал еще после обеда, укрыв от мух лицо*

«Епархиальными ведомостями», и сам Иван Филимоныч спал в *звонарне* (Дурылин С. Н. Колокола. <https://ruscorp.org.ru/>).

Следует отметить, что полисемантический суффикс *-н-* в составе существительных женского рода на *-ня* очень часто совмещает в себе несколько значений: 'место нахождения того, что названо мотивирующим словом', например, *конюшня*, *псарня*, *овчарня*, *свинарня*; 'место производства' – *пекарня*, *мыловарня*, *прядильня*, *водогрейня*, *маслобойня*, *печатня*, *словолитня*; 'место совершения действия, которое названо мотивирующим глаголом' – *караульня*, *почивальня*, *ожидальня* (Ефремова, 2005: 268–270). Подобной словообразовательной структурой характеризуются и другие названия помещений, имеющих отношение к церкви или к отправлению религиозных культов: *богадельня* 'приют для стариков, инвалидов: *богадельня при монастыре*'; *исповедальня* 'помещение для исповеди в католическом храме'; *молеельня* 'помещение для совершения богослужения, домашняя церковь, частная часовня (особенно у старообрядцев)'.

Лингвокультурологический анализ артефактов был бы не полон без описания номинативных единиц, обозначающих разные типы колоколов. Для называния небольших по размеру колоколов в русском языке используются разговорные лексические единицы *завонник* и *подзвонник*, которые в современных лексикографических источниках не фиксируются, но довольно часто представлены в рекламном интернет-дискурсе.

Универбат *завонник* (*завон*) образован на базе словосочетания *завонный колокол*. «Будучи самыми маленькими в колокольном ансамбле, они выводят своими мелодичными высокими голосами трель, поэтому иногда их именуют еще трельными» (Фабрика церковной утвари: <https://ortox.ru/wiki/zazvonnye-kolokola/>), ср. производный адектив *завонистый* и наречие *завонисто*. Деривационную динамику отражает субстантивация прилагательного в следующем контексте: *Праздничные звоны (во все колокола) мы не могли исполнять, и я попросил Ивана встать в последний пролет на завонные* (Мальцев 2015: 52).

Другое существительное *подзвонник* (*подзвон*) образовано на базе соответствующего сочетания *подзвонный колокол*. «Это колокола среднего веса, в отличие от завонников и благовестников они звонят в среднем темпе, однако в едином с ними ритме. Число *подзвонных колоколов* на звоннице строго не регламентировано» (Фабрика церковной утвари: <https://ortox.ru/wiki/podzvonnue-kolokola-podzvony/>).

Среди других названий артефактов культурологически значимым является слово *звонец*: «*звонец* – 1. Колокольчик, бубенчик // особые бубенчики на подоле ризы патриарха» (Бархударов 1978: 357), ср. «*звонцы* на одеянии ветхозаветного первосвященника должны были напоминать ему об обязанности непрестанно возвещать волю Божию. Ныне *звонцы* находятся на саккосах и мантиях архиерейских» (Аверинцев 1993: 557).

В словаре В. Даля зафиксированы и другие устаревшие названия артефактов с основой *звон-*, дающие представления о бытовых реалиях в истории русского народа: *звонило* – «клепало, чугунная сторожевая доска, плита»; *позвóнок* – «колокольчик для зова прислуги»; *звонúшка* – «побрякушка или игрушка со звоном, ботало, род самодельного звонка на шею скотине, чтоб ее было слышно в лесу»; *звóник*, *звонóк* – «колоколец, колокольчик ручной, дверной, поддужный» (Даль 1995: 672).

Среди хронологически маркированной лексики особый интерес представляют производные **агентивы**, образованные на базе глагола *звонить*. Прежде всего это наименование лица по действию *звонарь* ‘церковный служитель, звонящий в колокола’ и феминитив *звонарка* ‘женщина-служительница, звонящая в колокола’ (Евгеньева 1999: 602).

В словаре В. Даля представлен «культурологический портрет» звонаря: это «церковный служитель, обязанный звонить в колокола по обряду». Автор пишет, что «искусство это заброшено; встарь хорошие звонари ценились и упражнялись «красным звоном», распетливались по рукам и ногам, качались на зыбке и звонили согласно в дюжину колоколов». О статусе звонарей в церковной иерархии свидетельствуют следующие пословицы: «Не в попы, так в звонари»; «Не пойдешь в звонари, не попадешь и в пономари»; «Не быв звонарем, не быть и пономарем». В соответствующей словарной статье Даль дает и производные от основы *звонарь*: прилагательные *звонарёв* – «звонарю принадлежащий»; *звонарский*, *звонарный* – «ко звону или звонарю относящийся: *звонарская должность*, *звонарный староста*»; глагол *звонарить* – «исполнять должность звонаря»; *звонариха* – «жена звонаря»; *звонарка* – «женщина, звонящая в колокола» (Даль 1995: 672).

На базе глагола *звонить* образовано и устаревшее слово *звонец*, именуемое лицо по действию, по роду занятий (ср. *петь* – *певец*, *стрелять* – *стрелец*, *лгать* – *лжец*, *жить* – *жилец*, *торговать* – *торговец*): «Звонецъ – 2. Звонарь (1572). И в те же поры на колоколници *звонец* звонил в колоколь ... и у колокола веревка порвалась и *звонецъ* свалился с колоколници на землю» (Бархударов 1978: 357). На базе данного агентива образованы архаичные адъективы *звонецкий* и *звонцов* (Бархударов, там же)

В текстах русской литературы XIX в. для наименования лица женского пола, призванного выполнять соответствующую функцию, часто используется феминитив *звонариха*: *Но когда бежала она мимо часовни, рябая звонариха Катерина колотила уж в свои била и клепалы, сзывая келейниц к заутрене; «Деревянный звон», как называли его в скитах, гармоничен, особенно издали и если производит его опытная рука... В скитах дорожили искусными «звонарихами», умевшими владеть такими незатейливыми инструментами* (Мельников-Печерский П. И. В лесах. <https://ruscorpора.ru/>).

Субстантив *звонариха*, хотя и зафиксирован в толковых словарях с пометой «разг.» или «устар.», в современном русском языке практически не употребляется, поскольку семантика суффикса *-их-(а)* (ср. слова типа *сторожиха*, *дворничиха*) включает сниженную, просторечную коннотацию. Тем не менее его «феминитивная семантика» с известной долей трансформации оказалась востребованной в публицистическом и художественном дискурсе. С точки зрения современного русского языка данное понятие представляет собой внутриязыковую стилистическую лакуну, т. е. феномен значимого отсутствия номинативной единицы в нейтральной книжной речи, см. подробнее (Быкова, Стернин 2002).

Так, в романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо» для номинации женщины-музыканта, исполняющей специальные произведения для карильона, используются неоагентивы повышенной экспрессивности и лингвокреативности. Название этого инструмента для русской лингвокультуры является лакунарным и потому

заимствованным: *карийон / карильон* (фр. *carillon* – букв. «перезвон, трезвон») – ‘набор точно настроенных колоколов различной величины, на которых при помощи особой клавиатуры исполняют определенную мелодию’ (Крысин 2007: 339). Заметим, что русская традиция колокольного звона, его национальная специфика основана, прежде всего, на особенностях гармонического звукоизвлечения и не предполагает исполнения конкретных музыкальных произведений и мелодий.

В тексте романа при образовании феминитива задействованы следующие потенциально-возможные (латентные) словообразовательные модели: с суффиксом *-ниц-* (по аналогии, например, с дериватом *учитель-ниц-а*) и суффиксом *-к-* (по аналогии со словом *журналист-к-а*): *Второе письмо – от Анькиной подруги, этой органистки, вернее, колокольницы ...или колоколистки?* (Рубина 2008: 289). В целях усиления стилистического эффекта (языковой игры) в следующем контексте автор прибегает еще к одному производному феминитиву, образованному уже по другой словообразовательной модели – при помощи суффикса *-щиц-(а)*: *А еще, Нюточка, – писала колокольщица, – скоростижно от инсульта умерла моя тетя Ида ...* (Рубина, там же). Окаzionaliальные дериваты в данном случае наполняют новым смыслом широко распространенные узуальные словообразовательные модели. В тексте произведения профессия героини уточняется при помощи другого деривата, который носит уже нейтральный характер. Это существительное *карильонистка*, мотивированное основой *карильонист*: *Некоторые зрители поднимались, чтобы посмотреть работу карильонистки, а внизу поставили большой экран для зрителей – в кабине была установлена камера* (Рубина, там же).

Таким образом, внутриязыковая стилистическая лакуна дала возможность автору использовать четыре окаzionaliальные номинативные единицы: *колокольщица*, *колоколистка*, *колокольница* и *карильонистка*. Они демонстрируют «особые коммуникативные интенции относительно осознания (“обнаружения”) намеренного выражения или деформации внутренней формы слов» (Устинова 2023: 77).

Для современной публицистической речи наиболее оптимальным и органичным, на наш взгляд, является сложное существительное *женщина-звонарь*: *Наталья Стефановна Каровская – первая женщина-звонарь, с которой я познакомился; Есть в звонарской братии и «сестрички» – звонари-женщины* (Мальцев 2015: 76-104).

Лингвокультурная динамика производного агента *звонарь* находит отражение в его современной лексической сочетаемости: «ансамбль звонарей», «коллеги-звонари», «штатный звонарь музея», «звонари-солисты», «мастер-класс для звонарей», «конкурс звонарей», «школа звонаря», «звонарь-виртуоз», «концертный звонарь»; ср. также атрибутивные словосочетания с относительным прилагательным *звонарский*: «высокий звонарский статус», «звонарский стаж», «школа звонарского искусства», «устройство звонарского места», «церковно-звонарская карьера», «звонарская деятельность», «звонарская техника»: *Петровский сразу вошел в число звонарей, в чьих звонах заметны филигранность ритмического рисунка, мелодико-гармоническая фантазия и виртуозность владения звонарской техникой, явившейся плодом его собственной индивидуальности* (Мальцев 2015: 118).

У слова *звонарь* в современном русском языке появилось и конкретно-предметное значение: *электронным звонарем* именуется устройство, механически воспроизводящее богослужебные колокольные звоны. «Включать и программировать электронного

звонаря можно удаленно – с помощью смартфона, компьютера, установленной в храме или подсобном помещении панели управления, мобильного радиопульта или даже путем отправки смс-сообщения» (Фабрика церковной утвари: <https://ortox.ru/wiki/elektronnyu-zvonar/>)

С колокольным звоном непосредственно связано и культурологически маркированное прилагательное *звонильный*. Отсутствие данной лексической единицы в толковых словарях связано с ограниченностью сферы его употребления и просторечной функционально-стилевой окраской. Обычно оно употребляется в составе словосочетания *звонильная неделя*: так называют первую неделю после Пасхи (другое её название – *Светлая седмица*), когда во всех церквях звонят в колокола по случаю праздника. Смысл поговорки «В светлую седмицу кто не звонарь!» Владимир Даль объясняет тем, что в эту неделю любой человек, проходящий мимо церкви, может звонить в колокола, а любители звонарного ремесла приходят для этого специально (Даль 1995: 672).

В современном публицистическом дискурсе данное прилагательное вновь стало востребованным, о чем свидетельствуют следующие контексты: *Звонильная неделя – своего рода эстафета колокольных перезвонов; Пятый Московский Пасхальный фестиваль, традиционной частью которого стала Звонильная неделя* (Пасхальный фестиваль – 2003. Российская музыкальная газета. <https://ruscorporu.ru/>).

Таким образом динамика этнокультурного компонента в лексическом значении слов и национально-культурных образах в целом отражает эволюцию и трансформацию духовной жизни современного российского общества. «Язык как универсальная форма осмысления реальности сохраняет связь с древнейшими пластами культуры русского народа, с его религиозным опытом, рефлексией эстетического и научного познания мира» (Вендина 2012: 63).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деривационно-семантическое пространство «колокольный звон» в русской лингвокультуре – это динамическое понятие, способное к видоизменению и эволюции. Многоаспектность в его описании, а именно гармоничная реализация синхронического и диахронического подходов позволяет более явственно представить соотношение процесса и результата в формировании лексической системы русского языка.

Лингвокультурологический аспект исследования позволяет выявить идиоэтнический характер того или иного понятия, способы его актуализации путём словообразовательного маркирования и дальнейшего смыслового развития. Отдельные концептуальные структуры исследуемой семантической сферы (наименования отвлечённых понятий, артефактов, агентивы и феминитивы) в процессе развития языка семантически модифицируются, отражая процесс наполнения формы одного и того же языкового знака более сложным содержанием. Тем самым подчёркивается их роль и значение в культурно-ценностной ориентации носителей русского языка. Для каждого из периодов развития русского языка само наличие номинативных единиц, связанных с религиозно-культурной сферой, являются проявлением его статики, в то время как трансформация их семантики, переход в разряд слов-

хронофактов или, наоборот, активное использование в современной речи – показатель динамических процессов.

Результаты анализа свидетельствуют о взаимодействии языковой и внеязыковой информации в слове, дают представление о способах выражения универсальных и этнокультурных смыслов, о специфике организации производных слов внутри одного семантического пространства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АВЕРИНЦЕВ, С. С. (ред.) (1993): *Христианство: Энциклопедический словарь*: В 2 т.: т. 1. «Большая Российская энциклопедия». Москва.
2. БАРХУДАРОВ, С. Г. (ред.) (1978): *Словарь русского языка XI – XVII вв.* Выпуск 5. «Наука». Москва.
3. БАРТМИНЬСКИ, Е., БЕРЕЗОВИЧ, Е., ВЕПРЕВА, И., КОВШОВА, М., ШМЕЛЕВ, А. (2021): Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы. *Quaestio Rossica*. Т. 9. № 4. 1389–1408. Дата обращения – 15.03.2024. URL: <http://elar.ufrj.br/handle/10995/106574>
4. БУГАЕВА, И. В. (2021): Изучение языка религии. *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология. № 4. 162-175.
5. БЫКОВА, Г. В., СТЕРНИН, И.А. (2002): Внутриязыковые лакуны и национальная концептосфера. *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии*. «Издательство Воронежского университета». Воронеж.
6. ВЕНДИНА, Т. И. (2012): Русская традиционная духовная культура: наследие в слове. *Метафизика*. № 4 (6). 49-64.
7. ВЕНДИНА, Т. И. (2002): Словообразование как источник реконструкции языкового сознания. *Вопросы языкознания*. № 4. 42-72.
8. ВЕРЕЩАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В.Г. (2005): *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*. Индрик. Москва.
9. ГОНЧАРЕНКО, С. Ф. (1978): *Испанская поэзия в русских переводах*. Прогресс. Москва.
10. ДАЛЬ, В. И. (1995): *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. Т.1. «ТЕРРА». Москва.
11. ЕВГЕНЬЕВА, А. П. (ред.) (1999): *Словарь русского языка*: В 4-х т. Т.1. «Полиграфресурсь». Москва.
12. ЕФРЕМОВА, Т. В. (2005). *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. «АСТ: Астрель», Москва.
13. КАСЬЯНЕНКО, Т. В. (2007): *Вологда. Путеводитель*. «Гранд-Холдинг». Вологда.
14. КРЫСИН, Л. П. (2007): *Толковый словарь иноязычных слов*. «Эксмо». Москва.
15. ЛАССАН, Э. (2014): Колокол как политический символ русской культуры. *Политическая лингвистика*. № 2 (48). 62-71.
16. МАЛЬЦЕВ, С. А. (2015): *Колокольные звоны в лицах*. «Рыбинский дом печати». Рыбинск.
17. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА URL: <https://ruscorpora.ru/>. Дата обращения – 15.03.2024.

18. ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н.Ю. (2007): *Толковый словарь русского языка*. «А ТЕМП». Москва.
19. РУБИНА, Д. (2008): *Почерк Леонардо*: Роман. «Эксмо». Москва.
20. ТИХОНОВ, А. Н. (1985): *Словообразовательный словарь русского языка*: В 2-х т. Т.1. «Русский язык». Москва.
21. УСТИНОВА, Т. В. (2023): Внутренняя форма слова и смыслообразование в поэтической речи (на материале русского и английского языков). *Вестник Московского университета*. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. 74-86.
22. ФАБРИКА ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ ORTOX. Дата обращения – 15.03.2024. URL: <https://ortox.ru/>
23. ФАСМЕР, М. (1986): *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т. 2. «Прогресс». Москва.
24. ЧЕРНЫХ, П. Я. (2007): *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. Т 1. «Русский язык». Москва.
25. НИКИТSEVICH, A. (2017): Русская народная культура в зеркале словообразования. *Cuadernos de Rusística Española*, 13, 29-42. <https://doi.org/10.30827/cre.v13i0.6397>
26. SULIMOV, S. I., & TREGUBOVA, D. D. (2019): Православная традиция как действующий фактор русской истории. *Cuadernos de Rusística Española*, 15, 281-291. <https://doi.org/10.30827/cre.v15i0.6423>

BIBLIOGRAPHY

1. AVERINTSEV, S. S. (eds.) (1993): *Hristianstvo: Enciklopedicheskij slovar'*: V 2 t.: t. 1. «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija». Moskva.
2. BARKHUDAROV, S. G. (eds.) (1978): *Slovar' russkogo jazyka XI – XVII vv.* Vypusk 5. «Nauka». Moskva.
3. BARTMIN'SKI Ye., BEREZOVICH Ye., VEPREVA I., KOVSHOVA M., SHMELEV A. (2021): Vzaimodeystviye yazyka i kul'tury v issledovatel'skom pole: granitsy i perspektivy. *Quaestio Rossica*. Т. 9. № 4. 1389–1408. Date of access – 15.03.2024. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/106574>
4. BUGAEVA, I. V. (2021): Izuchenie jazyka religii. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 9. Filologija. № 4. 162-175.
5. БЫКОВА, G. V., & STERNIN, I. A. (2002): Vnutrijazykovye lakuny i nacional'naja konceptosfera. *Jazyk i nacional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii*. «Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta». Voronezh.
6. CHERNYKH, P. Ja. (2007): *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*. V 2 t. T 1. «Russkij jazyk». Moskva.
7. DAL', V. I. (1995): *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*: V 4 t. T.1. «TER-RA». Moskva.
8. EFREMOVA, T. V. (2005). *Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo jazyka*. «AST: Astrel'», Moskva.
9. EVGEN'EVA, A.P. (eds.) (1999): *Slovar' russkogo jazyka*: V 4-h t. T.1. «Poligrafresursy». Moskva.

10. FABRIKA TSEKOVNOJ UTVARI ORTOX URL: <https://ortox.ru/> Date of access - 15.03.2024.
11. FASMER, M. (1986): *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. V 4 t. T. 2. «Progress». Moskva.
12. GONCHARENKO, S. F. (1978): *Ispanskaya poeziya russkikh v perevodakh*. Progress. Moskva.
13. KAS'JANENKO, T. V. (2007): *Vologda. Putevoditel'*. «Grand-Holding». Vologda.
14. KRYSIN, L. P. (2007): *Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov*. «Eksmo». Moskva.
15. LASSAN, E. (2014): Kolokol kak političeskij simvol russkoj kul'tury. *Političeskaja lingvistika*. № 2 (48). 62-71.
16. MAL'TSEV, S. A. (2015): *Kolokol'nye zvony v litsah*. «Rybinskij dom pečati». Rybinsk.
17. NACIONAL'NYJ KORPUS RUSSKOGO JAZYKA URL: <https://ruscorpora.ru/>. Date application -15.03.2024.
18. NIKITSEVICH, A. (2017). Russkaja narodnaja kul'tura v zerkale slovoobrazovanija. *Cuadernos De Rusística Española*, 13, 29-42. <https://doi.org/10.30827/cre.v13i0.6397>
19. OZHEGOV, S. I., & SHVEDOVA, N. Ju. (2007): *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. «A TEMP». Moskva.
20. RUBINA, D. (2008): *Pocherk Leonardo: Roman*. «Eksmo». Moskva.
21. SULIMOV, S. I., & TREGUBOVA, D. D. (2019). Pravoslavnaja tradicija kak dejstvujuščij faktor russkoj istorii. *Cuadernos De Rusística Española*, 15, 281–291. <https://doi.org/10.30827/cre.v15i0.6423>
22. TIKHONOV, A. N. (1985): *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka*: V 2-h t. T.1. «Russkij jazyk». Moskva.
23. USTINOVA, T. V. (2023): Vnutrennjaja forma slova i smysloobrazovanie v poetičeskoj reči (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. № 3. 74-86.
24. VENDINA, T. I. (2012): Russkaja traditsionnaja dukhovnaja kul'tura: nasledije v slove. *Metafizika*. № 4 (6). 49-64.
25. VENDINA, T. I. (2002): Slovoobrazovaniye kak dostizheniye uluchšeniya yazykovogo soznaniya. *Voprosy jazykoznanija*. № 4. 42-72.
26. VERESHCHAGIN, YE. M., KOSTOMAROV, V.G. (2005): *Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedčeskiye kontseptsii: leksičeskij fon, reče-povedenčeskiye taktiki i sapiyentemy*. Indrik. Moskva.

Благодарность. Работа выполнена за счет средств «Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета» (Приоритет-2030).